

ЯЗЫКИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Т.С. НИКОЛИНА

ПЕЙЗАЖ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ

Понятие “пейзаж” и, шире, “географическое пространство” помогает интерпретировать те формы, в которых человек ментально конструирует мир вокруг себя. Оно возникает в определенную эпоху и всегда находится на перекрестке природных факторов и культурных составляющих, меняет контуры в зависимости от той модели мира, которая характерна для общества в целом.

Понятие “пейзаж” включает эстетические, политические, исторические и литературные составляющие. Так, появление вкуса к “высокому” заставляет путешественника XVIII в. взглянуть на Альпы другими глазами. Воспоминания о контрреволюции в 20-е гг. XIX в. придают новый смысл бретонским и вандейским роцам в романах Оноре де Бальзака, тогда как романтическая литература изменяет коллективное восприятие корсиканских “пустынь”. Страсть к истории и археологии, возникшая в это время, пробуждает интерес к кельтским памятникам и средневековым замкам, на которые предшественники не обращали внимания.

Обусловленное изменениями культуры, вкуса и социальных практик, восприятие пейзажей будет отныне тесным образом связано с одним из аспектов, характерных для культурной эволюции XIX в., а именно, выходом на сцену современного понятия “региональная идентичность”, которое сопровождается тем, что можно было бы назвать делением национального французского пространства на региональные пейзажи. В конце века каждая провинция, каждый регион, каждая “страна” становится обладательницей типичных пейзажей и мест, символических для той или иной идентичности. Корсика ассоциируется с маки, Шампань — с равниной, Вогезы — с лесом, подобно тому, как долины Луары вызывают в памяти королевские замки Ренессанса, Лангедок — альбигойские войны, а бретонские песчаные равнины — дольмены. К 1900 г. региональная идентичность уже настолько связана с типичным пейзажем независимо от того, идет ли речь о естественных уголках природы или обустроенных пространствах, что регионы со сложной топографией, не имеющие таких характерных пейзажей, поручают редакторам специальных изданий обратить на это особое внимание. Лазурный берег — пример появившегося таким образом пейзажа.

Возникновение понятия “регион” связано с общей эволюцией Франции XIX в. Провозглашенное однажды политическое единство страны приводит к усилению

экономического и культурного единства территории, в частности, к объединению рынков, связанному с развитием транспорта, унификации образа жизни, в особенности одежды, языка, развлечений. Однако парадоксально, что по мере того, как местный костюм отходит на задний план перед готовой одеждой и городской модой, как школа способствует преобладанию французского языка над местными языками и говорами, как песни и танцы крупных городов вытесняют старинные деревенские праздники, сильнее воспринимаются различия между регионами, составляющими новую национальную культуру. Идентичность Бретани или Прованса по-новому выражается в живописи, литературе: "...c'est la ville la plus bretonne de toute cette Bretagne bretonnante qui va de la pointe du Raz au Morbihan, de cette contrée qui contient l'essence des moeurs, des légendes, des coutumes bretonnes.

Un vieux château baigne le pied de ses tours dans un grand étang triste, triste, avec des vols d'oiseaux sauvages. Une rivière sort de là que les caboteurs peuvent remonter jusqu'à la ville. Et dans les rues étroites aux maisons antiques, les hommes portent le grand chapeau, le gilet brodé et les quatre vestes superposées: la première, grande comme la main, couvrant au plus les omoplates, et la dernière s'arrêtant juste au-dessus du fond de culotte.

Les filles, grandes, belles, fraîches, ont la poitrine écrasée dans un gilet de drap qui forme cuirasse, les étreint, ne laissant même pas deviner leur gorge puissante et martyrisée; et elles sont coiffées d'une étrange façon: sur les tempes, deux plaques brodées en couleur encadrent le visage, serrent les cheveux qui tombent en nappe derrière la tête, puis remontent se tasser au sommet du crâne sous un singulier bonnet, tissu souvent d'or ou d'argent"*.

Создание индивидуальности области, хотя бы и выстроенной каждый раз на "объективных" элементах, целиком основано на культуре, и любые изменения тесно связаны с общей эволюцией вкуса и знаний. Так, развитие романтизма в 1815 г., повышение политического значения сельской местности после 1848 г., распространение туризма и рождение новой географии в конце века — те феномены, которые влияли на образ провинций.

На каждом этапе местный пейзаж вписывается в общее коллективное восприятие национального пространства. После того, как были определены пути создания региональной идентичности в неотъемлемой связи ее с местным пейзажем, прорабатывались три момента этого процесса. Первым было включение в пейзаж исторических монументов. Вторым — установление категорий восприятия типичных пейзажей, чему немало способствовало издание в 1835 г. "Живописной Франции". Третий "географически" будет воздействовать на эти процессы в самом начале XX в.

Что заставляет французов интересоваться пейзажами страны, и какими категориями пользуются они при восприятии национального пространства и отдельных его частей? Можно выделить несколько этапов в процессе "открытия" территорий в XIX в. Это, во-первых, исследования археологов и изучение кельтской истории, во-вторых, "статистическая" деятельность, заставляющая министров и префектов инвентаризировать все естественные достопримечательности, включая сельскохозяйственное производство, костюмы, местные наречия. Собранный материал представлял собой первый каталог знаний о провинциях Франции, ее пейзажах и жителях.

* "...это наиболее бретонский городок из всей этой бретоннейшей Бретани, которая тянется от мыса Раз до Морбигана, края, представляющего собою квинтэссенцию бретонских нравов, легенд и обычаев.

Старый замок кушает подножия своих башен в волнах огромного печального-печального озера, над которым носятся дикие птицы. Из него вытекает река, по которой небольшие суда могут подниматься до самого города. По узким улицам со старинными домами расхаживают мужчины в широкополых шляпах, вышитых жилетах и четырех куртках, надетых одна на другую: первая из них, величиною с ладонь, едва прикрывает их лопатки, а последняя спускается до самых штанов.

У девушек, высоких, красивых, свежих, грудь стиснута суконным жилетом в виде кирасы, не позволяющим даже рассмотреть их сильные шеи; они убирают волосы особым образом: на висках два пестро вышитых круга обрамляют лицо, стягивают волосы, которые падают волной назад, а затем подбираются на макушке головы под особый чепец, нередко затканый золотом или серебром".

В 1820—1840 гг. предметом литературного романтизма становится история феодальных, героических и христианских времен, ценности которых это литературное течение пытается возродить. Идея о том, что существует соответствие между природой почвы, характером расы и влиянием климата, присутствует в годы, предшествующие “статистическому” изучению, и становится главной литературной темой. Мериме, Бальзак, Мишле, затем их последователи описывают провинции именно в таком ракурсе. Так, дикость пейзажей эхом отзывается в суровости климата и грубости людей, мягкость горизонта объясняет любезность местных жителей. Впрочем, романтический ореол средневекового прошлого способствует появлению ученых обществ и историческому изучению и приводит к заботе об охране памятников на местах.

Со временем “живописные путешествия” становятся в литературе малым жанром, и исторический роман уходит на второй план в пользу сельского жанра. Вспомним, что аналогичное явление происходило в древнем Риме в период Империи, когда Вергилий, поддерживаемый императором Августом и входящий в кружок Мецената, написал известные “Георгики” и “Буколики”.

Опыт Флобера и Максима Дюкана (путешествие, предпринятое ими в 1847 г. на запад Франции и описанное в книге “По полям и песчаным косам”) широко применяется в практике гидов, издающихся после 1850 г. Отныне путешественник располагает определенным перечнем того, что он должен посетить и увидеть. Наконец, после 1880 г. культурный и политический регионализм приводит к разработке каталога мест, значимых для современников. В этом предприятии регионализм и национализм сочетаются, не противостоят друг другу и, по утверждению республиканской школы, никакое единство и идентичность Франции не выражается лучше, чем через разнообразие ее регионов.

Чтобы понять, как исторический памятник начинает вписываться в эти провинциальные пейзажи, необходимо обратиться к XVIII в., когда в Англии и Германии зарождалось понятие исторического памятника. Во Франции немногим позже: в 1830 г. по инициативе Гизо и благодаря активной деятельности таких людей, как Проспер Мериме, Виолле ле Дюк, государство начинает вести работу по идентификации и защите памятников. Но это еще не были здания и сооружения в собственном смысле слова, а скорее способ, каким французы привыкли их видеть и воспринимать в пейзаже.

В такие моменты происходит своего рода семиотическая перекодировка, когда на первый план выходит диахрония: реликты прошедших эпох генерируют тексты, сопологающие прошлое с настоящим, и тем самым противостоят времени.

Если обратиться к рассказам о путешествиях XVII и XVIII вв., можно увидеть, что очень часто редакторы не замечали памятников, которые мы сегодня считаем эмблемами регионов. Путешественники интересовались старинными постройками и церквями больше в интеллектуальном плане. Приехав в Лотарингию в 1674 г., Лазар де Саль знал, что ему нужно посмотреть городские церкви, вызывавшие у него мысли метафизического или практического порядка, но никак не исторического или эстетического. Для органичного восприятия памятников в пейзаже и осмысления их нужны были знания — исторические рассказы, анекдоты, архитектурные и археологические сведения (церковь — готическая, замок — феодальный). Затем путешественник должен был иметь желание и средства получить доступ к этой информации, т.е. мог найти на месте более или менее осведомленного гида или, по крайней мере, приобрести брошюры, статьи или специальные книги.

В 50-е гг. XIX в. этот процесс шел уже полным ходом. В первое время известные лица на местах и буржуазия мелких городов бросились вновь открывать близлежащие окрестности. Прогулки и экскурсии превратились в конные поездки всей семьей к естественным (водопады, реки, леса) или историческим (руины, дольмены) достопримечательностям. С развитием железных дорог появляются туристические гиды, предлагающие освоение пространства иного рода.

Некоторые тексты позволяют точно воспроизвести механизм, при помощи которого выстраивается связь между историей, эрудицией и туризмом. Гюстав Флобер и Максим Дюкан описывают новые обычаи молодых людей, которые служат прототипом новых социальных практик в последующие десятилетия. Флобер погружается в труды ученых и археологических обществ, посвященные тем местам, которые он собирается посетить. Он делает пометки, и в течение всей поездки оба путешественника заранее знают, что и где им нужно осмотреть. “Grâce aux notes dont le répertoire inscrit sur un calepin était toujours dans notre poche, nous savions la veille ce que nous aurions à visiter le lendemain. Nous repassions ainsi notre histoire de Bretagne sur les lieux mêmes, et quand nous entrions dans une église ou un château ruiné, nous allions droit à la statue, au bénitier, à la pierre tumulaire, au vestige archéologique qu’il était séant de regarder”*.

Молодые люди, идущие в ногу со временем, Флобер и Дюкан, предчувствуют закат моды на так называемые “живописные путешествия” и “статистические описания”. Внимательные к историческому наследию и пейзажам с литературной коннотацией они не интересуются элементами, относящимися к современности. Нантский телеграф мешает их эстетическому наслаждению и, выезжая из города, они сознательно оставляют без внимания исправительную колонию, госпиталь и кузницу, предоставляя специалистам социальный и экономической анализ.

Книга, которая появляется во Франции, отражает изменения в восприятии национальной территории. Речь идет о “Живописной Франции”, опубликованной в 1835 г. Абелем Гюго, братом Виктора Гюго и предпринимателем издательства, специализирующегося на компиляциях типа “Военная Франция”, “Историческая Франция”. Его проект обозначен во введении: представить Францию департамент за департаментом — это было по-республикански — и полностью описать ее, используя литературу, опубликованную между 1800 и 1835 гг. по цене, формату, манере представления эта книга в нескольких томах была предназначена для буржуазии. Она давала определенным образом полное видение страны тому, кто не мог ее посетить.

“Живописная Франция” заключала идею разработки своего рода “мифологии”, канонизировавшей пространственный образ того или иного региона, который на семиотическом уровне предстает в виде вербальных и индексально-иконических текстов. Выработывая “грамматику” пейзажа, эта книга подняла объект на новую ступень и, с синергетической точки зрения, явилась очередным этапом в процессе его самоорганизации.

В то время как тексты “Живописной Франции” затрагивают современную экономику, иллюстрации представляют культурные элементы в описании страны (для каждого департамента — серия гравюр). В описание включена карта местности. Затем следуют портреты знаменитых людей, уроженцев данной местности, показана их связь с местным складом ума (так, Лафонтен является прототипом шампанской утонченности). Определенное место занимают крестьянские костюмы, которые находятся к тому моменту на грани исчезновения и переходят в разряд утерянных сокровищ. Они конкретно воплощают издавна существующие различия.

Для того чтобы обрести культурную ценность, предмет той или иной системы должен сделаться знаком, поэтому каждый департамент представил свои “знаки”, причем обладая правом на собственное видение главных мест или важнейших городов, изображенных как бы с соседнего холма, в такой перспективе, какая предстала бы перед глазами прибывающего путешественника. Исторические памятники (триумфальная арка Оранжа, Карнакские монументы, Авиньонский мост и т.д.) и естественные достопримечательности (водопады, скалы) становятся такими знаками.

Современная экономика является маргинальной в этом каталоге пейзажей, представляющих Францию. С трудом можно отыскать ткацкую машину в Бресте или

*“Благодаря пометкам нашей записной книжки, которая всегда была у нас в кармане, мы знали, что мы посетим завтра. Так мы вновь возвращались к истории нашей Бретани, и когда мы входили в церковь или разрушенный замок, мы сразу шли к статуе, кропильнице, надгробной плите — археологическим памятникам, которые стоило посмотреть». Путешественники объясняют, что значит «видеть город». Это, в первую очередь, подняться на вершину колокольни, чтобы охватить взглядом пространство, прежде чем посещать собор, замок, музей”.

Сент-Этьенскую железную дорогу. В этом смысле “Живописная Франция” закрывает эпоху статистики и открывает другую (туристических гидов). Сравнивая их с альбомом “Французские провинции в иллюстрациях”, вышедшим к Всемирной выставке 1937 г., можно констатировать, что содержательно они повторяются (знаменитые люди, костюмы, памятники, городские пейзажи, естественные достопримечательности). Только два раздела: промышленность и сельскохозяйственная деятельность, представляющие регион с другой стороны, добавляются в течение века. Читая туристические гиды конца Второй империи, испытываешь чувство, что чем более кодифицированным, тем более холодным и абстрактным становится представление пейзажей. Обычай присваивать звезды наиболее престижным и избранным туристами местам — яркая иллюстрация этого процесса. Однако в 1880 — 1900 гг. освоение регионов с точки зрения литературных школ и политических движений приводит к переосмыслению пейзажа-типа, возрождая в новых терминах старую проблематику соответствия почвы, расы и климата. Веком ранее лидеры Революции обратились к этой теории для объяснения различий между представителями нации и особенностями различных элементов территории. Эта тема была затем перенесена в литературу. Романтизм выстроил впечатляющую систему соответствия между землей и человеческой душой. Например, Бальзак описывает одного из своих героев следующим образом: “...человек в нем образован бретонским гранитом”. В “Коломбо” Проспер Мери́ме соединил дикость и страсть со средиземноморской землей. Эпигоны и авторы ниже рангом продолжили эту тенденцию в бесчисленных количествах. После 1850 г. этот жанр угас, тогда как политическая коннотация, связанная с образом крестьянина, поменяла знак. Из дикого он становится непоколебимым в христианской морали и консерватизме. Бретонец изменяет облик в то же время, как эволюционирует пейзаж, в который он вписан. С того времени, как появился иностранный костюм, персонажи “бретонских” романов часто описываются на фоне отвесных скал и бушующего моря или разрушенной готической церкви. Когда символом Бретани была юная и благочестивая девушка в чепце, ее описывали на фоне придорожного распятия и цветущего утесника. Подобная традиция была распространена от Эмиля Сювестра (“Последние бретонцы”, 1851 г.) до иллюстраций Теодора Ботреля (1900).

Однако эта тема соответствия климата, почвы, характера жителей и своеобразия провинции одновременно и банальна, и колеблется от региона к региону. Наиболее представлена она в Бретани и Савойе, а также горных областях, более скромна у провансальских литераторов, в частности, Мистрала. Воскрешение этой темы и ее актуализация после 1880 г. вызваны регионалистским движением и появлением “новой географии”. В литературе регионализм как жанр занимает особое место. Романы на эту тему оживляют традицию пейзажа-типа. Так, натурализм Золя насыщает север терриконами и шахтерскими поселками, Мопассан представляет Нормандию в “черном” цвете, что создает контраст с живописным крестьянином, благодаря которому жила эта провинция, расположенная недалеко от Парижа. В то же время официальная география предлагает новый тип пейзажа и региона. Около 1900 г. французская географическая школа, которая группируется вокруг Видаля де ла Бланша, пытается объединить в университетах легитимность изучения отношений между физической географией и человеком, который, как и природа, может рассматриваться в качестве “географического фактора”, и доказывает уместность описания региона в его границах в отрыве от внешнего мира.

Эволюция литературы и географии влечет за собой выдвигание регионально-го пейзажа в качестве объекта описания, изучения и анализа. Это вскоре принимается большей частью французов. Подобного рода литература выходит большими тиражами в период между двумя войнами. В форме упражнений для чтения или диктантов эти яркие отрывки, в особенности описания пейзажей, становятся каноническими, тогда как учебники географии поддерживаются литературными текстами. Вместе они будут способствовать успешному продвижению понятия характерного пейзажа-типа региона, провинции, страны, поскольку языковая деятельность подобна законодательной деятельности, где язык является ее кодом.

Таким образом, риторика пейзажа, образованная при помощи коннотативных означающих, будет представлять уже область идеологии, всегда единой для определенного общества на каком-то этапе его исторического развития.

Літэратура

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
Blanche V. de la. La Géographie Humaine. Paris, 1921.
Flaubert G. Voyage en Bretagne. Par les champs et par les grèves. Paris, 1989.
 La France pittoresque, ou description pittoresque et statistique des départements et colonies de la France, par A. Hugo. Paris, 1835, 3 tomes.
Maupassant G. de. Contes de la bécasse. Paris, 1974.
Salle L. de la. Mémoire de deux voyages et séjours en Alsace, 1674-76 et 1681. Marseille, 1979.
Tiesse A.-M. Ecrire la France, le mouvement littéraire régionaliste de langue française entre la Belle Epoque et la Libération. Paris, 1991.

А.А. БОСАК

ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ І АДМЕТНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ НАРОДНЫХ ГАВОРАК ВЕРХНЯГА НАД'ЯСЕЛЬДЗЯ

У сучаснай беларускай мове ёсць вялікая колькасць слоў і выказаў, ужыванне якіх абмежавана пэўнай мясцовасцю, тэрыторыяй і невядома ўсім прадстаўнікам беларускай нацыі. Такія словы называюцца дыялектнымі, а сама гаворка — дыялектам. Сукупнасць дыялектных слоў складае дыялектную лексіку. Дыялектныя словы і выразы вельмі часта ўжываюцца пісьменнікамі ў мастацкіх творах. У гэтым выпадку яны называюцца дыялектызмамі.

Багатая дыялектная лексіка беларускай мовы была і працягвае заставацца крыніцай папаўнення слоўніка літаратурнай мовы. У мове мастацкай літаратуры і публіцыстыкі дыялектызмы таксама шырока выкарыстоўваюцца як сродак моўнай характарыстыкі персанажаў, як неабходны элемент стылізацыі пры апісанні звычаяў, штодзённага побыту і жыцця людзей пэўнай мясцовасці [1, 2].

Пры вывучэнні тэрытарыяльнага вар'іравання сістэмы мовы ў Беларусі перш за ўсё вылучаецца асноўная яе тэрыторыя, асноўны масіў беларускай дыялектнай мовы, які супрацьстаўляецца яе невялікай паўднёва-заходняй частцы — заходне-палескай групе гаворак беларускай мовы [2—4].

Гаворкі Верхняга Над'ясельдзя (Пружанскі раён Брэсцкай вобласці і сумежжа) цікавыя тым, што знаходзяцца на стыку Беларускага Панямоння і Брэсцка-Пінскага Палесся. Сумежныя гаворкі адрозніваюцца разнастайнасцю мясцовых асаблівасцей, даследаванне якіх мае важнае значэнне для гісторыі беларускай мовы.

Па выніках праведзеных даследаванняў, якія ахапілі 231 населены пункт Пружанскага раёна і сумежжа, на тэрыторыі рэгіёна магчыма выдзеліць наступныя асноўныя гаворкі: гродзенска-баранавіцкія (панямонскія) (*ён будзе хадзіць у лес*), паўночнабрэсцкія акаючыя (*вон будзе хадзіці ў лес*), паўночнабрэсцкія акаючыя (*вон будзе ходзіці ў лес*), верхнясельдскія (*вудн будэ ходзіці ў ліс*), малецкія (*вудн будэ ходыты в ліс*), паўночназагародскія (*вун будэ ходыты в ліс*), сярэднезагародскія (*він будэ ходыты в ліс*).

Гродзенска-баранавіцкая група гаворак выдзелена ў 1964 г. Р.І. Аванесавым [5]. Гродзенска-баранавіцкая (панямонская) група гаворак адносіцца да паўднёва-заходняга дыялекту беларускай мовы. У Пружанскім раёне гаворкі гэтай групы пашыраны ў яго паўночна-ўсходняй частцы. Найбольш значнымі населенымі пунктамі, дзе распаўсюджаны гродзенска-баранавіцкія гаворкі, з'яўляюцца г.п. Ружаны, вёскі Блізная, Варанілавічы, Гута, Заполле, Зеляневічы, Кавалі, Калазубы, Лыскава, Паўлава. Гаворкі гродзенска-баранавіцкай (панямонскай)